

Отдавая дань мужеству защитников Отечества, публикуя их воспоминания, рассказы о подвиге солдат, отстоявших свободу и независимость

нашей Родины, не следует забывать и о том, какие беды принесла война мирным жителям.

Сейчас все чаще появляются книги, статьи, фильмы о том, как жили люди в военные годы, находясь кто в эвакуации, кто на оккупированной территории.

Изменилось время, и мы узнаем больше правды.

Воспоминания, которые становятся основой этих книг и фильмов, теперь свободны от идеологических клише.

Но в этой неприкрашенной правде, в обыденных, на первый взгляд, историях – невыразимый трагизм времени.

Публикуемые в этом номере «Севера» воспоминания написаны непрофессиональными литераторами, но на этих страницах встает война во всей ее неприглядности.

Авторы воспоминаний были в военные годы детьми. Несмотря на голод и лишения, они сохраняли детскую веру в Победу.

Здесь – правдивые эпизоды военного лихолетья.

Виолетта ЖУКОВА

г. Петрозаводск

ДЕТИ ВОЙНЫ

Вдень начала войны мне было 3 года 11 месяцев без двух дней. Мало для воспоминаний о войне? И да, и нет. Мы быстро выросли в той боевой обстановке, о которой остались «островки памяти».

Я родилась в Петрозаводске, но потом наша семья жила в Москве. В 1940 году папа – Анатолий Николаевич Ходарев – с сестрами и их мужьями уехал работать на о.Шпицберген – там была, как и до сих пор, наша угольная концессия. В Москве остались моя мама, бабушка – папина мама, и четверо детей – я, две двоюродные сестры и брат.

В июле начались фашистские налёты. Помню, как однажды мы с братиком Олегом сидели на крыльце дома и радовались летающим самолетикам над нашей головой, не понимая смертельной опасности.

Вой сирен и голос диктора «Граждане, воздушная тревога!» возвещали о начале бомбёжки. В бомбоубежище надо было бежать через большой двор нашего дома. Этот процесс был тщательно отработан: на входной двери висели сетки с едой и питьем, одежда. Всё это мгновенно хватили взрослые, брали за руки малышей и неслись в укрытие. Так продолжалось до осени.

Когда началась эвакуация, фашисты уже стояли в десятках километров от Москвы. Я помню, что паром на речном вокзале мне показался красивым голубым домом. Наш маршрут пролегал по Москве-реке, Рыбинскому водохранилищу в Волгу, по Каме в город Молотов (сейчас вновь Пермь), где мы воссоединились с прибывшими тогда из Архангельска папиными родными.

Вспоминаю, что рассказывали родственники об эвакуации из Баренцбурга, где они жили на Шпицбергене. По договоренности советского правительства с англичанами их должен был доставить в Архангельск английский корабль. Когда он вошёл в порт, все жители убежали в горы, подозревая, что это ловушка, подстроенная немцами. Когда же на корабле заиграли «Катюшу», все успокоились и вернулись на берег.

Позже фашисты использовали такую тактику – из репродукторов на линии фронта звучали любимые русские песни в расчете на эмоциональный отклик бойцов, чтобы притупить их бдительность. Затем

звучали слова: «Рус, сдавайся». К счастью, здесь такого не произошло.

Я до сих пор удивляюсь, как в то время великого переселения стабильно работала почта, люди переписывались, находили друг друга, получали письма с фронта.

Когда папа уехал на фронт – он был военным корреспондентом, а московские родственники вернулись в Москву после разгрома немцев, мы с мамой – Филимоновой Александрой Алексеевной – соединились с её родственниками. Это было в Костроме. Бабушка – Мария Федоровна Филимонова – уговорила всех нас отправиться к ее любимой подруге тётке Фене Смирновой, с которой они рядом жили на ул. Герцена в Петрозаводске. Её семью эвакуировали в деревню в Костромской области. Дочери тётки Фени отказались нас оставить у себя – и такое было в войну! Помню чёрный деревенский дом, от которого мы все уходим пешком по чёрной грязной размокшей дороге.

Что такое эвакуация? «Иди туда, не знаю куда, найди то, не знаю что» – помните русскую сказку? Эвакопункт в Костроме отправил нас вниз по Волге. В Горьком (теперь Нижний Новгород) была страшная бомбёжка. Мы сидели в зале речного вокзала, тесно прижавшись друг к другу. Мама вспоминала, что мечтали только об одном – если уьёт, то всех сразу. Ночью, измученные, все крепко заснули. У тётки Вали – маминой сестры, украли чемодан с самыми хорошими вещами. Она держала его под ногами, но не почувствовала, как он исчез. Это была большая беда – вещи нужны были не для того, чтобы наряжаться в этом ужасе, а чтобы менять на продукты и не умереть с голода.

Вновь сели на паром «Михаил Калинин». Снова бомбёжка! Налёты на Сормово – военные заводы. Бомбы падают вокруг, к небу взлетают фонтаны воды. С грохотом соединяются крики, плач, зовы о помощи. Паром сломался. После отбоя всех пересадили на буксир и высадили на берег. Нас спасли Бог и бабушкины молитвы.

Некоторое время мы жили в деревне Кузнецовка в Башкирии. Мама и тетя Валя преподавали в школе, при школе мы и жили. Это был большой одноэтажный дом на высоком берегу у небольшой речки, в ней мы брали воду, мыли посуду, стирали. Помню, как однажды мы с мамой пошли за водой. На противоположном берегу стояла большая собака. Увидев её сверкающие глаза, мама поняла, что это волк. Она заколотила ведрами, и мы с криками сломя голову побежали в горку к дому. Волк не решился нас преследовать. Вообще, их было несметное количество.

Наши кормилицы и добычицы – мама и ее млад-

шая 16-летняя сестра Галя – запрягли школьную лошадь Савраса и поехали по ближайшим деревням менять вещи на картошку. Возвращались в темноте, в степи начался буран, дорогу замело, Саврас встал. Они услышали волчий вой, увидели в темноте сверкающие глаза волчьей стаи. Саврас замер, никакие уговоры не могли сдвинуть его с места. И вдруг он рванул и помчался во весь дух и только у крыльца дома встал как вкопанный. Опять свершилось чудо. А если бы кто-то из них от рывка лошади выпал из сани на этом бездорожье?

В Кузнецовке мы познали настоящий голод. Иногда добывали мёд и картошку. Самое страшное – не было соли, хлеба, муки. Варили суп из крапивы. Теперь говорят, что это деликатес. Попробовали бы тогда жить на одной этой баланде.

Помню, как к нам на побывку приехал папа. Сели «обедать», а соли нет. А у меня в детском уголке в маленькой игрушечной мисочке осталось немного соли из прежнего запаса. Я радостно всем объявила об этом, побежала за ней, вернулась и стала первой сыпать ее себе в суп. Папа строго посмотрел на меня и ударил с возмущением по столу. Я замерла с мисочкой и щепоткой соли между пальчиками. Из глаз покатались слезы.

Иногда из черной муки варили кашу мамалыгу. Это была высокая мучная черная горка с вмятиной наверху, куда наливали немного масла. Все ели из одной миски: зачерпывали чайной ложкой немного каши, макали в масло, потом направляли в рот.

Помню, как однажды, когда совсем нечего было есть, к нам пришла местная женщина. Мама сказала ей: «Берите, что хотите» (в обмен на мешок картошки). Она сказала в ответ: «Вот это» и показала на занавески на окнах, которые тут же для нее сняли. Война обнажила все хорошее и плохое в людях: одни на ней наживались, другие страдали.

От голода всё моё тело покрылось нарывами, я не могла ни сидеть, ни лежать, поэтому взрослые по очереди носили меня на вытянутых руках.

В нашей жизни были и радостные события. На два месяца приезжал после госпиталя мамин брат дядя Витя – молодой, красивый блондин, северянин. Были бесконечные разговоры: «А помнишь?», «А после войны будет...» Где-то добыли гитару, он хорошо играл и пел, любил и знал наизусть много стихов Есенина, да он и сам-то был на него похож. Местные девушки-смуглянки не оставили его без внимания.

Помню отъезд из Кузнецовки. Была жара. На телеге сидели бабушка и мы с двоюродной сестричкой, а мама и Галя шли сзади в маскарадных масках и своих лучших платьях. Все были молоды – маме всего 28 лет. Без юмора, стремления уйти от тяжелой обыденности выжить было бы невозможно!

За военные годы мама «хватила шилом патоки» (это её выражение) – грузила уголь в шахте, будучи маленькой хрупкой женщиной, таскала с поля мешки картошки, а после войны со студентами в колхозе «на картошке» простудилась и заболела туберкулёзом, поскольку работала в ботиночках, резиновых сапог не было.

В 90-е годы я опять побывала в Башкирии – теперь уже в командировке. По дороге из Уфы в Стерлитамак увидела аншлаг «Кузнецовка». Встрепенулась, заволновалась. Может, это была та самая деревенька из островков моей военной памяти? Но она осталась в стороне от нашего маршрута.

Больше всего запомнилась Кинешма. Причалили к берегу на маленьком пароходике. Никто не знает, когда и куда он поплывёт. Мама со своей младшей сестрой (Галина Алексеевна Филимонова-Барбашина) как обычно побежали на базар за продуктами, мы остались на судне.

Покупая еду, они перекинулись несколькими карельскими словами, и вдруг женщина, оказавшаяся рядом, спросила, откуда они родом. Узнав, что из Карелии, обрадовалась и вспомнила свою Пряжу. Слово за слово, и выяснилось, что она училась у их отца – Филимонова Алексея Андреевича, который учительствовал в Пряже. Этого было достаточно, чтобы она пригласила всех к себе. Мама с Галей прибежали на пристань, а наш пароходик увёз нас на другой причал. Они нас нашли! Опять чудо! А сколько было в войну таких нечаянных разлук, после которых люди ищут друг друга до сих пор!

Эту женщину звали Ольга, больше ничего не знаю, и спросить уже давно не у кого. Она на первое время пригрела нашу ораву – 6 человек в одной комнате, где жила с сыном-подростком. Через эвакупункт нас устроили так: маму – заведующей детским садом, она имела высшее дошкольное образование, меня – в тот же садик; Галю – секретарем директора завода; В.А. Стафеева, бабушка и сестренка Надя уехали за Волгу в большое село Анненское, где тетя Валя работала по своей специальности учителем начальных классов. И новое чудо! Туда же эвакуировали семью старшего брата – Владимира Алексеевича Филимонова.

Помню, как в Кинешме мы с мамой смотрели фильм «Она защищает Родину». У женщины-партизанки фашисты вырвали из рук маленького сынишку, заставили бежать по полю, а следом пустили танк, который задавил его на глазах у матери. Это потрясение на всю жизнь! Больше этот фильм я смотреть не могла.

Мы с мамой в 1944 году вернулись в Москву, где я окончила первый класс общеобразовательной и музыкальной школ. Таким образом, 4 года мы мота-

лись по стране, но главное – выжили, перенесли голод, холод, мытарства.

24 июня 1944 года мы с бабушкой оказались у ограждения на Садовом кольце, по которому вели 20 тысяч пленных немцев. Была тёплая ясная солнечная погода. Москва выглядела празднично. Врагов специально провели по нашей столице, чтобы они видели, как прекрасна она, недосыгаема для них, величава, спокойна, уверена в себе и в нас – её защитниках. Впереди шли немецкие генералы в полной амуниции, а за ними – их обманутые солдаты. Охраняли это шествие конные части – молодые, красивые русские воины. Вокруг стояла гробовая тишина и только слышалось позвякивание походных армейских котелков и шарканье ног по асфальту. Люди оцепенели – рядом с ними были фашисты, у каждого к ним был свой счет – кого-то из родных убили в бою, в партизанском лесу, замучили в концлагере, увезли в Германию. Удовлетворение пришло к нам, когда показались поливальные машины, которые смывали их поганые следы с улиц нашей столицы.

Представьте себе – День Победы я встретила в Москве на Красной площади! А было это так. Наша армия уже стояла под Берлином, и вся страна ждала, что вот-вот кончится война. Поэтому на ночь не выключали радио. И вот в ночь с 8-го на 9-е мая в 4 часа утра раздался ликующий голос Левитана: «Говорит Москва!..»

Мы все вскочили с кроватей и услышали долгожданное слово «ПОБЕДА!!!». Что тут началось в нашей восьмикомнатной коммуналке! Взрослые, не одеваясь, в ночных рубашках и халатах выскочили в общий коридор: целовались, обнимались, радостно кричали и пели. Мы – дети, сначала прыгали на кроватях и кричали: «Ура! Теперь опять будут продавать «петушки»!», а потом катались по коридору на 3-колесном велосипеде.

После завтрака был порыв – ехать на Красную площадь. Метро забито битком, передвигались куриными шагами, меня как самую маленькую несли на руках.

Ликование на Красной площади продолжалось до вечера – совершенно незнакомые люди обнимались, целовались, угощали друг друга. Салют покрыл всё небо, орудия стояли на крышах окружающих домов. Возвращались домой ночью. Помню, как вокруг парили самолёты и из них вылетали разноцветные букеты фейерверков. Я, наверное, впервые узнала, что такое счастье.

Летом 1945 года мы окончательно вернулись в Петрозаводск. Сначала нас приютили родствен-

ники, затем мы жили в «дошкольном» педучилище – двухэтажном деревянном доме в Студенческом переулке, где помещались учебные классы, студенческое общежитие и комнаты для нескольких педагогов.

В 1949 году мы переехали в отдельную однокомнатную квартиру на проспекте Урицкого (теперь пр. Александра Невского). Этот дом, как и многие другие, был построен пленными немцами. В Петрозаводске был лагерь военнопленных в конце ул. «Правды», слева. Первомайский проспект, до того как его некоторое время назад заасфальтировали, был вымощен плитками из карельского кварцита. Это тоже строили пленные. Так были обустроены дороги и площади в Германии.

Некоторые из военнопленных свободно ходили по городу, заходили в квартиры и предлагали предметы собственного изготовления: шахматы, домашнюю утварь. У нас до сих пор сохранились два кухонных ножа с деревянными ручками.

Однажды маму спросили: «А где у вас фрау?» Мама, молодая, симпатичная, образованная женщина, ответила: «Я фрау», на что собеседник сказал: «Фрау с хозяйственными сумками не ходят!»

Из маминой семьи воевали трое – два брата, Евге-

ний и Виктор, и племянник Константин Ногтев. Костю забрали на «действительную службу», как тогда называли, в сухопутные войска на 3 года. Перед демобилизацией началась Великая Отечественная война. Часть находилась под Ленинградом, где он и погиб в самом начале войны. До сих пор считается без вести пропавшим.

Мамины братья Виктор и Евгений вернулись с войны живыми, как поётся в песне, «руки целы, ноги целы – что ещё». Но, оказывается, в число жертв войны входят не только погибшие на поле боя, но и от последствий войны – ран и болезней.

До войны Виктор и Евгений были известными спортсменами в Петрозаводске – героями футбольных и хоккейных баталлий.

Виктор попал в окружение и несколько дней лежал зимой в болоте. Затем – госпиталь и страшный ревматизм, от которого он и умер.

Дядя Женя был очень скромным человеком, молчуном, ничего не рассказывал, но постепенно затухал, и вскоре его не стало.

Старший брат Владимир Алексеевич Филимонов на фронте не был – он был «ответственным работником», как тогда называли, членом Совета обороны. Владимир Алексеевич руководил эвакуацией из Петрозаводска заводов, училищ, детских домов, школ и др. по Октябрьской железной дороге и через Онежское озеро в Пудож. На одной из барж были его жена и пятилетний сын, который заболел и умер у нее на руках. Так война расплатилась и с ним.

Но у нас была дружная семья. После войны мы особенно дорожили возможностью чаще видеться. Все праздники проводили вместе. Обязательно устраивали концерты – пели под гитару, читали стихи, особенно мы с сестрёнкой Надей. Я выросла в атмосфере любви.

Эвакуация

Виолетта Анатольевна ЖУКОВА

*родилась в Петрозаводске,
окончила Карельский государственный
педагогический институт
и Петрозаводское музыкальное училище
им. К.Э. Раутио.*

*Преподаватель Петрозаводского музыкального
колледжа, художественный руководитель
образцового коллектива России и Карелии
детского фольклорного ансамбля «Перегудки».*

Заслуженный работник культуры РК.

Автор десяти книг

по музыкальной культуре Карелии.

В «Севере» публикуется впервые.

Владимир МАКСИМОВ

г.Петрозаводск

Это был не сон

(Воспоминания

бывшего малолетнего узника концлагеря)

В летнее воскресное утро 22 июня 1941 года жители кижских деревень, не имевших в то время ни телефонной, ни радиосвязи, не могли знать, что за тысячи километров от Кижей уже рвались снаряды над мирно спящими городами и селами нашей страны.

Слух о начале войны с Германией до меня, десятилетнего кижского парня из деревни Ерснево, дошел лишь только к вечеру 22 июня от пассажиров, приехавших на пароходе «Володарский» из Петрозаводска. С этого дня спокойный семейный уклад жизни кижских деревень резко изменился.

Уже на третий день войны мой отец Николай Федорович Максимов и два его брата – Александр и Михаил – с другими мужчинами Кижского сельсовета были призваны на защиту отечества. Когда колхозные мужики сели верхом на лошадей и двинулись полем к лесному массиву, по которому пролегла дорога до тогдашнего райцентра Великая Губа, то вереница всадников растянулась почти в полкилометра. Жены, дети еще долго стояли, рыдали и махали руками им вслед.

Наша семья перед войной была большая – 15 человек. До войны все три брата были женаты и жили одной семьей. Теперь, после мобилизации, в доме остались только женщины и дети.

С уходом мужчин в армию колхоз «Новое поле» еще некоторое время продолжал функционировать, и наша мама с тетушками продолжали в нем работать. Но это продолжалось недолго, все чаще доносились слухи, что линия фронта приближается к Петрозаводску и финские войска оккупируют и наш Заонежский район. Взрослые упорно говорили об эвакуации жителей наших деревень.

В осень 1941 года рано выпал снег, наступили морозы, озеро покрылось льдом, поэтому эвакуация жителей деревень, разбросанных по бере-

гам кижских шхер, не состоялась, ведь единственным средством эвакуации был водный транспорт.

В конце сентября со стороны Петрозаводска все чаще стали слышаться раскаты бомбежек, а в вечерние и ночные часы видны зарева горевшего города. Стало ясно, что дни оккупации Заонежья финскими войсками не за горой.

В один из ноябрьских дней около 11 часов утра появились в нашей деревне финские солдаты, шедшие длинной лыжной колонной. Они приближались со стороны Великой Губы. Кроме обветренных лиц пришельцев и черных автоматов, висевших на шеях, ничего не было видно, тела скрывали белые маскировочные халаты. Проверив дома в нашей деревне и обнаружив только напуганных женщин и детей, колонна финских лыжников двинулась дальше, к деревне Боярщина. Вечером этого же дня все взрослое население наших деревень было собрано в Боярщине, где им объявили приказ новой оккупационной администрации, накладывавший различные ограничения и запреты на местное население.

Чтобы лишить опорных пунктов наших партизан, приходивших через Онего с пудожского берега, финны приняли решение эвакуировать население в Петрозаводск, где к этому времени уже были созданы концентрационные лагеря.

В один из дней января в деревне появилась группа финских солдат. Жителям приказали в трехдневный срок подготовиться к эвакуации, взяв с собой самое необходимое и продукты питания на 2-3 дня.

И вот этот час настал, под дулами автоматов рыдающие женщины укладывали на сани небогатые пожитки, детей. В дворовых постройках оставались скот и урожай овощей с домашних участков. Обоз двинулся в сторону Сенной Губы. По пути к нему присоединялись повозки из деревень Боярщина, Мальково, Жарниково.

По прибытии в село Клименицы, что находится

в конце Большого Клименецкого острова, нас всех разместили в бывшей школе, где уже было сконцентрировано несколько сот человек из деревень Сенной Губы и Кижей. При свете керосиновых фонарей и ламп трудно было ориентироваться. Финны с помощью громкоговорителя объявляли, кто и когда будет отправлен на автомашинах через Онежское озеро в Петрозаводск.

...Преодолев большое Онего, почти незаметно колонна машин въехала в город, погруженный во тьму. Видны были только одиночные огни в окнах домов,

стоящих вдоль улиц ночного города. Долго прокружив по ночным улицам, наша автомашина подъехала к воротам, опутанным колючей проволокой, словно паутиной. Так мы оказались в концлагере № 3.

Через переводчика дали команду разгружаться. Женщины с малыми детьми были направлены в двухэтажный дом барачного типа. Все это происходило ночью, в полной темноте. Но, по-видимому, свободного жилья к нашему приезду в концлагере № 3 уже не было, во второй половине дня поступила команда вновь грузиться на автомашину.

Так мы оказались в концлагере № 1, что был размещен на старой Кукковке за железнодорожным мостом. Нашу семью из 6 че-

ловек разместили в маленькой комнатке на втором этаже барака.

Жизнь в концлагере

Нам пришлось коротать первый год войны в жесточайших условиях этого концлагеря, не зная, что происходит на фронте. Для узников концлагеря выпускалась газета на русском языке «Северное слово», но она не отражала правды.

Трудно было нам, свободолюбивым жителям Заонежья, привыкнуть к условиям жизни, которые были установлены в концлагере финской администрацией. Но труднее всего было привыкать к голоду. Все время хотелось есть. Мизерный па-

ек муки (150 г) или несколько сухих галет да паке-тик сахарина на одного члена семьи явно не могли насытить нас. Других же продуктов в лагере не было. Поэтому, когда зимой 1942 года узников концлагеря выпускали за зону колючей проволоки за дровами для топки печи, нам, пацанам, приходилось попрошайничать у финских солдат, которые жили недалеко от концлагеря, и лазить по помойкам, подбирая картофельные очистки и отбросы съестного от их кухонного довольствия.

С нетерпением мы ждали теплого лета, и не без основания. На одном участке, у барака № 9, охранная зона близко подходила к густому кустарнику ольхи. Это место плохо просматривалось с вышки, где несли дежурство вооруженные автоматами финские солдаты. Вот здесь мы и устроили замаскированную ветками лазейку под колючей проволокой, чтобы выходить в лес. Лесная дорога вела к двум небольшим ламбушкам, в которых водилось много мелкой рыбешки, в основном окуньков. Наловив их, варили уху в консервных банках, разливая в изготовленные из бересты чумички.

Но однажды ранним утром при очередной вылазке за ограждение с вышки охраняемой зоны раздалась автоматная очередь. Мы были обнаружены. Пули с шумом просвистели по кустам, изрядно напугав нас. Находясь на свободе в лесу, мы порою забывали, что где-то идет война и гибнут наши отцы и деды.

Жизнь в этом концлагере продолжалась недолго. По неизвестной причине несколько семей, в том числе и наша, были перевезены в концлагерь №3 и размещены в доме барачного типа под №14.

Этот концлагерь по площади и числу проживающих был значительно больше. В основном в нем были сосредоточены жители Ленинградской области из Лодейного Поля, Вознесенья, Остречин. Со стороны Онежского озера лагерь был ограничен бывшей ул. Болотной (ныне ул. Ригачина), а с противоположной – улицами, которые сейчас носят название Коммунистов и «Правды». Северная и южная границы лагеря не были окаймлены улицами, а проходили по дворовым территориям. Концлагерь имел две «проходные». Одна – центральная со стороны ул. Коммунистов, а вторая – между бараками с выходом на Болотную.

В этом лагере нам пришлось находиться до дня освобождения Петрозаводска от финских оккупантов.

То, что пришлось пережить, и сейчас вспоминается как кошмарный сон. Это голод, холод, унижения, гибель родственников. Умерших людей ежедневно десятками увозили на кладбище в Пески. В нашей семье умерла младшая сестрич-

ка, которой было только полтора года. В таком же возрасте умер и мой двоюродный братик. В основном умирали дети и старики, для которых не было соответствующего питания. В их память сейчас ежегодно в апреле, во Всемирный день узников концлагерей, зажигаются свечи у скромного мемориального памятника, что установлен на кладбище в Песках.

Мама, как и многие женщины лагеря, привлекалась к тяжелому каторжному труду по заготовке дров на бирже, расположенной на берегу Онежского озера. Ежедневно ранним утром, построенные в колонку и полуголодные, они уходили из концлагеря под конвоем финских солдат к месту работы. Рабочий день их продолжался по 9-10 часов, а иногда и больше. Нас, малолеток, успокаивало то, что мама получит дополнительный хлебный паек.

Однажды мама, чтобы испечь из скудного пайка муки хлеб, добавила в тесто истолченные картофельные очистки. Нам с братом показалось, что каравай хлеба, положенный в печь, был больше обычного. Мы решили пощупать подрумянившиеся корочки и понемножку, обжигая пальцы, стали угощаться еще сырым тестом. В результате, когда мама сняла каравай, он был похож на ежика и стал гораздо меньше. Тогда нам с братом досталось «на орехи».

Чтобы избежать вшивости, из-за отсутствия мыла приходилось готовить щелочь из золы. С ее помощью отстирывали белье, а иногда пользовались ею и в бане. Небольшая, рубленая из бревен банька находилась во дворе нашего барака. Помывка людей, проживающих в бараках, проходила по строгому графику. Мужчины и женщины мылись вместе. Времени на это отводилось мало, объем воды, которую привозили в бочках на лошадях, тоже ограничивался. В это время наше нижнее белье прожаривалось в камере при высокой температуре.

Однажды мы, мальчишки, отправились за дровами. На берегу Онежского озера на территории нынешнего хлебокомбината под обвалившейся кровлей сарая мы увидели кучу замерзшего турнепса. Набрав его в сумки, которые у нас всегда находились под верхней одеждой, и прихватив дощечки в качестве дров, мы возвращались в лагерь.

На проходной нас остановил дежурный наряд во главе с помощником коменданта концлагеря Бертелем. Бертель был настоящим деспотом, ходил с бамбуковой палкой, которую частенько пускал в ход. Довелось на этот раз познакомиться с его палкой и нам, а заодно он побил и девушек, шедших вслед за нами. Турнепс на проходной

отобрали, а нас взяли на «карандаш» и утром следующего дня посадили в так называемую «холодную будку» на 7 суток. Находилась она на первом этаже барака № 3.

Кроме дощатых нар, в нашей камере ничего не было. Три ночи, ежась от холода и голода, мы коротали на нарах, днем под конвоем нас выводили на свалку, куда доставлялись отходы из лагерных туалетов. Мы рыли ямы для этих отходов.

Спустя три дня нас решили отпустить, но обязательно через баню-санпропускник. Здесь для нас был приготовлен сюрприз. После помывки нас отстегали розгами. Раздатчиком этой «березовой каши» был старший староста концлагеря по имени Степан. Девушкам, сидевшим в соседней камере, досталось не меньше, им остригли волосы. Вот так мы заплатили за мороженный турнепс, которого не пришлось и попробовать.

Что происходило на фронтах, мы по-прежнему не знали, но верили, что придет время и наша армия победит фашистов, а мы выйдем из-под колючей проволоки концлагеря. Мы придумывали различные озорные игры. Была у нас игра «Атака красных», победителям которой присваивалось звание «Боец Красной Армии». Так нам хотелось помочь приблизить день победы наших войск над фашистами.

Снова долгожданная свобода

Самыми яркими из тех далеких дней останутся два последних дня в концлагере. Это было 27 и 28 июня 1944 года, когда финская армия отступала и ее солдаты на велосипедах и мотоциклах сплошным потоком катили со стороны старой Кукковки по ул. «Правды» к центральной части города, взрывая и поджигая наиболее важные объекты, в том числе и мосты через реку Лососинку. Но больше всего мне запомнилось, как горела пристань, которая была построена финнами напротив концлагеря, там, где сейчас размещается грузовой порт.

День 28 июня был для узников концлагеря днем освобождения, днем радости и ликования. Когда катера Онежской флотилии показали со стороны Ивановских островов, мы с другом встречали их в конце причала, куда перебрались с берега на дырявой лодчонке. Средняя часть пристани горела, подожженная финнами еще накануне вечером. Большинство жителей лагеря встречали освободителей, пробираясь через горевшую пристань по трапам из досок.

Вечером на площади Ленина состоялся митинг

в честь освобождения Петрозаводска. Весь центр города 28 и 29 июня был заполнен ликующими свободными людьми, спасенными из шести петрозаводских концлагерей.

А в конце июля началось возвращение бывших узников в родные места. В один из этих дней мы впервые получили весточку от отца, который после тяжелого ранения и пребывания в госпитале находился в восстановительной военной части в Подмосковье. Радости нашей не было предела. Лишь позднее узнали, что два его брата на войне погибли.

В начале августа мы с мамой и бабушкой возвратились домой в Ерснево. Начались трудные дни восстановления родной деревни. Деревня встретила нас запустением, крапива и лопухи вымахали выше человеческого роста. Но мы, уже повзрослевшие дети – я, брат и две сестренки, были опорой для мамы. Жизнь на родной земле быстро налаживалась. Снова стал функционировать Кижский сельский Совет, возродился наш колхоз «Новое поле», открылись жарниковская школа и магазин.

С нетерпением ждали Дня Победы. И вот 9 мая 1945 года ранним солнечным утром услышали долгожданную весть. Это была великая радость, радость со слезами на глазах.

Владимир Николаевич МАКСИМОВ

родился в деревне Ерснево (о. Кижы) в 1930 году.

*Окончил Ленинградский институт
железнодорожного транспорта,*

работал в строительных организациях.

*Его материалы публиковались в газетах,
в сборнике «Огненная летопись Карелии».*

Живет в Петрозаводске.

В «Севере» публикуется впервые.